

УДК 940, 821.111.1.09
ББК Ш4/5.я7

Горбачевский Чеслав Антонович,
кандидат филологических наук, доцент,
Южно-Уральский государственный университет,
пр. Ленина, 76, 454080 г. Челябинск, Российская Федерация
E-mail: cheslavgor@gmail.com

ПАТРИОТИЗМ ПО-КОЛЫМСКИ: К ТЕХНОЛОГИИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОНЯТИЯ

Аннотация: Колымские заключённые 30–50-х гг. XX в. в мемуарных текстах не обходят вниманием понятие «патриотизм», которое сформировалось в условиях тяжелейшей колымской каторги. Понятие «патриотизм» в это время на Колыме зачастую наполнялось весьма своеобразным содержанием и демонстрировало нечто противоположное общепринятому пониманию любви к отечеству как жертве собой, а не ближними. На специфику колымского «запроволочного» патриотизма обращали внимание так называемые «враги народа», вспоминая сталинскую каторгу: О. Л. Адамова-Слиозберг, Г. Г. Демидов, Ю. О. Домбровский, Вернон Кресс, В. А. Ладейщиков, В. Т. Шаламов и др. Очевидно, что термин «патриотизм», отражающий давно закрепившиеся в языке и хорошо известные значения, деформировался вследствие сложившейся в 30–50-е гг. XX в. конъюнктуры, неминуемо приобретая парадоксальные и противоположные смыслы. Ярким примером такой деформации явился «колымский патриотизм» времён культа личности.

Ключевые слова: воспоминания, колымская каторга, патриотизм, псевдопатриотизм, «враги народа».

Бывшие колымские заключённые в текстах воспоминаний часто обращаются к понятию «патриотизм», сформированному в условиях колымской каторги. Это понятие в его специфическом колымском изводе наполнялось весьма своеобразным содержанием и демонстрировало нечто противоположное общепринятому пониманию любви к отечеству, когда человек готов жертвовать собой, а не ближними. «Законы» колымской тайги и каторги перевернули понятие патриотизма с ног на голову, исказили его до неузнаваемости, превратили в ширму, надёжный способ прикрыть жестокость внешне правильными, но в действительности крайне циничными словами. Появление колымской разновидности «патриотизма» происходило в полном согласии с самой логикой выживания на колымской каторге, где «масштабы смещены, и любое из человеческих понятий, сохраняя своё написание, звучание, привычный набор букв и звуков, содержит в себе нечто иное, чему на материке

нет имени: мерки здесь другие, обычаи и привычки особенные; смысл любого слова изменился» [16, с. 531]. А. П. Чехов по поводу «законов тайги» писал: «Обычная человеческая мерка в тайге не годится» [15, с. 37]. Жизнь (т. е. лагерь) изменила суть понятия «патриотизм», хотя, безусловно, прав В. Т. Шаламов, писавший, что «лагерь <...> — мироподобен. В нём нет ничего, чего не было бы на воле, в его устройстве, социальном и духовном» [17, с. 263]. А, с другой стороны, «неволю не понять, не приложив к ней мерки вольной жизни, пусть хоть самые искривлённые и искажённые» [4, с. 154]. Нам представляется, что такие «корреляция» и «дихотомия» остаются незабываемыми до сих пор.

Конечно, деформированное понимание патриотизма — явление не новое. В XIX в. П. А. Вяземский, различая два вида ложного патриотизма, писал о градации смысла этого понятия: «Выражение *квасной патриотизм*, шутя, пущено было в ход и удержалось. В этом патриотизме нет большой беды. Но есть и *сивушный патриотизм*; этот пагубен: упаси Боже от него!» [3, с. 69]. Проблему сивушного патриотизма Вяземский затрагивал в то время, когда арестантов на Колыму ещё не отправляли, но в основе своей поэт говорил о явлениях XIX в., типологически родственных ряду явлений века последующего — использовании любви к родине в целях весьма близких к человеконенавистническим. В понятие «квасной и сивушный патриотизм» вдыхается новая жизнь в начале XX в. Стихотворение «Павел» (1908) погибшего зимой 1937 г. на Колыме В. В. Князева пародирует патриотические настроения черносотенцев начала века: «Мой приятель Павел, / Патриот по духу, / Выше рома ставил / Русскую сивуху. / Был борцом известным, / Златоустом местным / Русского Союза, / Но ему, о муза, / Выпал тяжкий номер: / От патриотизма, / От алкоголизма — / Помер!» [13, с. 204]. У Евгения Венского, тоже погибшего в лагере (в 40-е гг.), в стихотворении 1916 г. пародируется ряд шовинистических мыслей Ф. Сологуба: «Ради немца-распрохвоста / Символизм да модернизм / Променял я очень просто / На квасной патриотизм...» [17, с. 269].

На специфику колымского «запроволочного» патриотизма обращали внимание «враги народа», писавшие о сталинской каторге: О. Л. Адамова-Слиозберг, Г. Г. Демидов, Ю. О. Домбровский, Вернон Кресс, В. А. Ладейщиков, В. Т. Шаламов и др. Нижеприведённые фрагменты текстов названных авторов так или иначе связаны с событиями, происходившими либо в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., либо незадолго до её начала, или вскоре после её окончания. Отголоски войны доходили и до Колымы, где были свои поля сражений и свои нешуточные полигоны.

Журналист Валерий Ладейщиков, проведший на Колыме двадцать лет за «антисоветскую агитацию» и участие в сопротивлении сталинскому режиму, писал в «Записках смертника» о двух совершенно разных типах патриотов, а следовательно, и патриотизма: «Изменения (во время войны. — Ч. Г.) коснулись также вольнонаёмных кадров — от руководителей верхнего эшелона Дальстроя и НКВД до начальников приисков, лагпунктов и ниже. На смену отождравшимся в тылу *патриотам*, видевшим *патриотизм в истреблении людей*, приходили фронтовики, хлебнувшие

горя и поражений, испытавшие радость побед, завоёванных ими. Это мы ощущали и в простых бойцах» [11, с. 58].

В рассказе Шаламова «Ягоды» (1959) из цикла «Колымские рассказы» показателен диалог между вихровцем Фадеевым, бравирующим своим патриотизмом, и еле живым, истощённым от голода и общих работ «врагом народа», которого «патриот» воспитывает:

«— Слушайте, старик, — сказал он (т. е. вихровец. — Ч. Г.), — быть не может, чтобы такой лоб, как вы, не мог нести такого полена, палочки, можно сказать. Вы явный симулянт. *Вы фашист. В час, когда наша родина сражается с врагом, вы суёте ей палки в колёса.*

— Я не фашист, — сказал я, — я больной и голодный человек. Это ты фашист. Ты читаешь в газетах, как фашисты убивают стариков. Подумай о том, как ты будешь рассказывать своей невесте, что ты делал на Колыме» [16, с. 54]. Этот диалог заканчивается рядовым проявлением «колымского патриотизма» — избиением беззащитного «старика-фашиста» за недозволенный словесный выпад в адрес представителя власти.

О проявлениях «патриотизма» в колымском лагере Бутугычаг Ладейщиков писал: «Лагерь представлял из себя два больших двухэтажных здания, где нижний уходил в сопку, затем столовая, вышки. <...> Казалось, надзиратели и охрана, всё начальство люто ненавидят клеймённых номерами людей. Били без повода, чем попало, сбивали с ног и пинали, хвалясь друг перед другом — *мы патриоты!* Вот только почему-то не рвались на фронт» [11, с. 44]. Об этой же разновидности патриотов, «не рвавшихся на фронт», говорит и рассказчик шаламовского рассказа «Ягоды».

Нельзя не отметить те исключительно негативные смыслы, связанные со словом «патриотизм», которые другой колымчанин — Георгий Демидов — вкладывал в уста своих персонажей. Возникающие негативные коннотации в текстах Демидова связаны с тем фальшивым, лицемерным явлением, о котором Шаламов свидетельствовал: «Сталин писал статью “Головокружение от успехов” и тут же усиливал колхозную эскалацию, объявлял себя гуманистом и тут же убивал» [17, с. 472]. В «Письме старому другу» по поводу февральского процесса 1966 г. над Андреем Синявским и Юлием Даниэлем Шаламов, обращаясь к рубежу 40–50-х гг., говорит, по сути, об аналогичном явлении: «В то время, когда усиленно цитировалась сталинская цитата 30-х годов об антисемитизме как о худшем виде национализма, подручные Сталина убивали Михоэлса» [18, с. 521]. Приведённые примеры в ряду многочисленных других описывают атмосферу каторжного колымского пространства, в котором формировалось понятие «колымский патриотизм».

В рассказе «Без бирки» (1966) Демидов фокусирует внимание на тех «патриотических» мероприятиях, которые помогают в лагере уничтожить закоренелых и нераскаянных «врагов народа»: «В одном из КТР (каторжный трудовой лагерь. — Ч. Г.) почти всех его каторжников переморозили, затянув им выдачу зимнего обмундирования почти на два месяца <...>. На другом достигли почти такого же результата, не давая в лагерь топлива. И всюду ненавистных предателей и изменников морили голодом. Всё это в дополнение ко всему, что предписывал официально

свирепый режим каторги. <...> Настилы для барачных нар делали из горбыля, “обзолем” вверх (матрасов никаких, конечно, не полагалось. — Ч. Г.). Все эти *патриотические мероприятия* не замедлили принести плоды. Почти все каторжане “первого привоза” погибли или стали инвалидами уже в первую зиму. Успех был явный...» [5, с. 118–119]. Этот фрагмент рассказа Демидова повествует о второй половине 40-х гг., когда на Колыме значительная часть рабсилы была брошена на строительство спецлагеря (Берлага) для особо опасных государственных преступников, многие из которых в действительности таковыми не были. В другом месте этого же рассказа повествователь акцентирует внимание на зловеще-карикатурном рвении местного начальства проявить способности в ликвидации ненавистных «врагов народа»: «Но самое худшее, возможно, состояло в том, что разбухавшая по свойству всякой бюрократии, генеральская и полковничья верхушка Главного лагерного управления требовала деятельности, чинов и орденов. И в этом своём стремлении она придумывала для себя всё новые объекты *ложно патриотической и верноподданнической деятельности*» [5, с. 130]. Нечего и говорить о том, что увеличение количества наград и привилегий находилось в прямой зависимости от результатов строек «колымского социализма» на костях человеческих.

В рассказе Демидова «Классики литературы и лагерная самодеятельность» (19??) названы популярные песни, исполнявшиеся самодеятельным хором и входившие в обязательную, патриотическую часть хоровой программы: «Могучая, кипучая, никем непобедимая...», «Катюша», песня про трёх танкистов, «Если завтра война» [5, с. 298]. Наверное, нетрудно понять, что в пределах лагерной зоны с её специфическими правилами и карательным отношением к человеку эти музыкальные композиции звучали весьма комично, если не сказать зловеще.

Официальные идеи запроволочного патриотизма органично сочетались с тем пропагандистским шумом, о котором Демидов писал в повести о 1937-м г. «Фонэ квас» (1964) [6, с. 48–49], акцентируя внимание на переполненных и зловонных тюремных камерах внутренней тюрьмы НКВД. В этих условиях, «сравнимых с гноищем библейского Иова» [6, с. 49], «многие научились сопоставлять политическую действительность с *официальной пропагандой* и скептически переосмысливать то, что привыкли прежде воспринимать почти бездумно» [6, с. 49].

В повести Демидова «Под коржом» (1966) после того, как в нафталиновом дыму угорела целая бригада каторжан-горняков, заведующая санчастью рудника попыталась обратить внимание главного инженера Артеева на опасность применения токсичной взрывчатки в подземных выработках. Эта по сути своей здравая мысль для слуха Артеева звучит предательски антипатриотично. Он «резко напомнил ей в присутствии посторонних, что сейчас война и не время заниматься нежностями. После артобстрела на фронте в укрытиях бойцов и не такой ещё, наверно, газ бывает! А у нас тут тот же фронт — добыча стратегического сырья! Подобная аргументация считалась в те годы совершенно неотразимой. Особенно модной она была среди колымского каторжанского начальства, *никогда не видевшего фронта и гарантированного от него на будущее*. Возможно, что некоторым из этого начальства даже импонировало ощущение, что и они руководят фронтом, на котором

гибнут люди, а не каким-нибудь мирным хозяйством. Это усиливало эффект сопричастности к всенародному делу, *достигаемый, как это нередко бывает, целиком за чужой счёт*» [7, с. 314]. А. И. Солженицын писал о патриотизме «за чужой счёт» в лагерях военных лет: «Любой проходимец в погонах, скрывающийся от фронта, тряс пальцем и поучал: “А на фронте как умирают?.. А на воле как работают? А в Ленинграде сколько хлеба получали?..”» [13, с. 116]. В рассказе Демидова «Люди гибнут за металл» (1973) начальник колымского лагеря с говорящим именем-голофразисом «Тащи-и-не-пушай» поучает едва живых работяг прииска — «скелетообразных фигур, обвешанных рваным тряпьём» [5, с. 324]: «— Ленинградские рабочие в сорок втором на ста двадцати пяти граммах производственный план выполняли! <...>. — Будешь и дальше так филонить — в карцер посажу с выводом...» [5, с. 324]. Такой «патриотизм» начлага свидетельствовал об одном — «меркантилизме работаровца и человеконенавистнической философии палача» [5, с. 327].

О типологически близком демидовскому Артееву проявлению «патриотизма» писал Ф. Диамант: «Среди состава горнадзора прииска Котов (начальник смены прииска “Октябрьский”. — Ч. Г.) слыл кровожадным пиратом и садистом. Ему ничего не стоило загнать бригаду в шахту, ещё заполненную аммонитными газами после отпалки, при убожестве кустарной маломощной вентиляции; заключённые харкали кровью и теряли сознание: тряпки, пропитанные мочой, через которые они дышали, мало помогали.

Способен был Котов на любую пакость» [8, с. 188–189].

В повести Демидова «Оранжевый абажур» (1964–1968), посвящённой масовым арестам 1937 г., Костя, сын арестованного «врага народа», пытается узнать в школе, что такое троцкизм, за который арестовали его отца, награждённого в Гражданскую войну орденом Красного Знамени и именованного оружием. Спустя два месяца после ареста отца арестовали и мать Кости: «Он попробовал получить от учительницы истории сколько-нибудь внятные разъяснения о конкретных преступлениях Троцкого. Возмущённая до глубины души учительница, как *истинная патриотка*, немедленно сообщила “куда следует”, что Костя Фролов, видимо, достойный сын своего отца и что яблоко от яблони недалеко падает. И уже через два дня Костя оказался в одной из камер следственной тюрьмы» [6, с. 213]. В конкретные преступления Троцкого учительница истории, вероятнее всего, и не вникала, не было в этом никакой необходимости, поскольку сверху уже было спущено указание о Троцком как «отщепенце и предателе». Поэтому Косте всё же пришлось ответить за отца вопреки пропаганде, по которой следовало, что «сын за отца не в ответе».

В «Оранжевом абажуре» энкавэдэшник Пронин типологически близок неизвестному Павлику Морозову. Ещё учась в школе, «рыцарь пионерского долга» Пронин во имя патриотической идеи и без всякого зазрения совести сдал органам собственную мать: «Отец Пронина, рабочий-грузчик, не вернулся с гражданской войны, на которую ушёл с красными частями. Мать, выбиваясь из сил, кормила четверых ребят, работая уборщицей и подрабатывая стиркой белья. Отчаянно пытаюсь как-то облегчить тяжёлую вдовью жизнь, она решила заняться тайным изготовлением самогона для продажи. <...> Старший сын, пионер, донёс на мать в мили-

цию. При обыске он показал место, где она хранила самогонный аппарат и готовую продукцию. <...> Будущему чекисту было тогда четырнадцать лет, и он учился уже в седьмом классе школы-семилетки» [6, с. 158]. Усердие Пронина росло по мере поощрения его незамысловатых, но весьма востребованных талантов, и после ряда подобных поступков карьера мальчика пошла вверх, а законченных семи классов вполне для этого хватило. Пронин «обнаружил, что есть беспредельная для его таланта и весьма благодатная область — наблюдение за состоянием умов и нравов. Начав с доносов на курящих в уборной ровесников, он постепенно стал прислушиваться к разговорам товарищей, следить за их встречами, выпытывать сведения о родственниках» [6, с. 158].

Ю. Домбровский устами Зыбина в романе «Факультет ненужных вещей» (1964–1975) говорит о школьном товарище доносчике Эдинове, некоем «чудовищном гибриде будущего кандидата педагогических наук Передонове с Павликом Морозовым — тоже ещё на свет не родившимся (писатели двадцатых годов ещё не были так умудрены, как их знаменитые и увенчанные коллеги тридцатых и пятидесятых годов). Во всяком случае, <...> был весь обращён в будущее. И на Павлика, пожалуй, походил не по прямой, а какой-то очень-очень косвенной линии» [9, с. 163–164]. Такой подход к жизни «гибрида», в сущности, был не нов, о нём писал ещё Ф. М. Достоевский в «Бесах».

В «Записках мелкого хулигана» (опубл. 1990) Домбровский пишет о таком популярном жанре словесного творчества, как донос, стиль которого автор определяет как *патриотический*. В этом контексте в одном аксиологическом ряду оказываются такие стилистические черты доноса, как «велеречивый, подлый и неграмотный» [10, с. 257].

Как известно, хорошим подспорьем для превращения в «патриотов» не только вохровцев, но и следователей явился новый государственный курс: «...впервые в науке о праве появилось понятие “активное следствие”, а спецпрокурорам была спущена шифровка — в пытки не верить, жалобы на них не принимать» [10, с. 239–240]. В объяснительной записке заключённого Зыбина на имя начальника внутренней тюрьмы НКВД есть такие строки: «На Ваш второй вопрос: “Что заставило вас представлять советское правосудие как великую инквизицию?” — объясняю: не что, а кто — мой следователь Хрипушин. Он обещал сделать из меня “свиную отбивную” и сказал, что ему в этом *патриоты* помогут — “их у нас знаешь сколько?”» [10, с. 401]. Зыбин и не сомневается в том, что в инквизиторской системе «патриотов» хватит на всех.

В романе колымчанина Вернона Кресса «Зекамерон» (1969–1979?) дубинки «лагерных придурков» наделены несомненными «патриотическими» свойствами: «Никакой техники, кроме кайла, лома и лопаты, вкуче с тачкою, на строительстве трассы не применяли, если не считать основного инструмента, благодаря которому артерия Дальстроя росла с поразительной быстротой — громадной дубинки: она в умелых руках бригадира, дорожного мастера, надзирателя и других начальствующих лиц ежеминутно убеждала зеков в том, что именно каторжный труд является их *патриотическим долгом*» [2, с. 249].

Философ и фронтовик Г. С. Померанц, размышляя над понятиями гордости и стыда, связывал их с понятием истинного (не «колымского») патриотизма. В статье, посвящённой творчеству Шаламова и Демидова, Померанц писал: «...патриотизм — это единство гордости и стыда. Гордость нашей страны — неслыханное напряжение сил народа, выдержавшего на своих плечах тяжесть четырёх лет войны. И стыд — то, что почти всё население страны закрывало глаза на аресты и расстрелы ни в чём не повинных людей, на разрушения, вызванные террором в гражданском и военном управлении — и послушно повторяло сказки о врагах народа. Стыд нашей страны, что она поверила в Сталина, чуть не впусившего немцев в Москву, как в архитектора победы, поверила со страху, боясь подумать, сопоставить факты, поверила в чудовище, питавшееся ароматом человеческих страданий, поверила как в бога, обожествила одно из самых полных и подлых воплощений дьявольского в человеческом образе» [12, с. 18].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что акцентирование внимания на патриотической шумихе 30-х гг. и более позднего времени стало одной из отличительных особенностей документально-художественных текстов бывших колымских заключённых. В «параллельном мире» (т. е. в неволе) авторы мемуаров увидели прямо противоположное тому, что звучало с высоких трибун. Это противоречие вымысла и действительности нашло своё отражение в мемуарах и художественных текстах, написанных сразу после освобождения колымских узников из заключения или спустя какое-то время: «Но если в эти годы ты честно думал, смотрел, понимал и можешь рассказать обо всём людям, ты им нужен, потому что в сутолоке жизни, под грохот патриотических барабанов, угроз и фимиама лести они не всегда могли отличить ложь от правды» [1, с. 7].

Несомненно, что термин «патриотизм», отражающий давно закрепившиеся в языке и хорошо известные каждому значения, деформировался вследствие политической конъюнктуры, неминуемо приобретая противоположные смыслы. Ярким примером такой деформации явился вывернутый наизнанку «колымский патриотизм» времён культа личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Адамова-Слюзберг О. Л.* Путь / предисл. Н. Коржавина; худож. Д. С. Мухин. М.: Возвращение, 1993. 254 с.
- 2 *Вернон Кресс (Демант З.).* Зекамерон XX века. М.: Худож. лит., 1992. 428 с.
- 3 *Вяземский П. А.* Старая записная книжка / сост., ст. и коммент. Л. Я. Гинзбург. М.: ЗАХАРОВ, 2000. 367 с.
- 4 *Герлинг-Грудзинский Г.* Иной мир: советские записки / пер. с польск. Н. Горбаневской. СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2011. 260 с.
- 5 *Демидов Г. Г.* Чудная планета / сост., подгот. текста, подгот. ил. В. Г. Демидовой. Послесл. М. Чудаковой. М.: Возвращение, 2008. 360 с.
- 6 *Демидов Г. Г.* Оранжевый абажур / публ. В. Демидовой. Предисл. М. Чудаковой. М.: Возвращение, 2009. 376 с.
- 7 *Демидов Г. Г.* Любовь за колючей проволокой / публ. В. Демидовой. Предисл. М. Чудаковой. М.: Возвращение, 2010. 360 с.
- 8 *Диамант Ф.* Во льдах // На дальнем Севере. 1990. № 1. С. 170–199.

-
- 9 *Домбровский Ю. О.* Собр. соч.: в 6 т. / ред.-сост. К. Турумова-Домбровская. Худ. В. Виноградов. М.: ТЕРРА, 1993. Т. 5. 704 с.
 - 10 *Домбровский Ю. О.* Собр. соч.: в 6 т. / ред.-сост. К. Турумова-Домбровская. Худ. В. Виноградов. М.: ТЕРРА, 1993. Т. 6. 384 с.
 - 11 *Ладейщиков В. А.* Освенцим без печей / сост. С. С. Виленский. М.: Возвращение, 1996. Т. 2. С. 31–59.
 - 12 *Померанц Г. С.* Материалы конференции, посвящённой столетию со дня рождения Варлама Шаламова: сб. ст. / сост. и ред.: И. П. Сиротинская. М.: [Б. и.], 2007. С. 17–23.
 - 13 *Поэты «Сатирикона»* / предисл. Г. Е. Рыклина; вступ. ст., биогр. справки, подг. текста и прим. Л. А. Евстигнеевой. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 364 с.
 - 14 *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956. Опыт художественного исследования. Малое собр. соч.: в 7 т. М.: ИНКОМ – НБ, 1991. Т. 6. Ч. III–IV. 576 с.
 - 15 *Чехов А. П.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1987. Т. 14. С. 5–38.
 - 16 *Шаламов В. Т.* Собр. соч.: в 4 т. / сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской. М.: Худож. лит., 1998. Т. 1. 620 с.
 - 17 *Шаламов В. Т.* Собр. соч.: в 4 т. / сост., подгот. текста и примеч. И. Сиротинской. М.: Худож. лит., 1998. Т. 4. 494 с.
 - 18 *Шаламов В. Т.* Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля / сост. Е. М. Великанова. М.: Книга, 1989. С. 516–525.

* * *

Horbaczewski Czeslaw Antonowicz,
PhD in Philology, Associate Professor,
South Ural State University,
Lenin prospect 76, 454080 Chelyabinsk, Russian Federation
 E-mail: cheslavgor@gmail.com

PATRIOTISM ON KOLYMA: TO TECHNOLOGY OF THE CONCEPT TRANSFORMATION

Abstract: Former Kolyma prisoners in their memories texts often refer to the concept of «patriotism», formed in conditions of the Kolyma labor camps. This concept in its specific sense was filled with a very unique content and demonstrated the opposite meaning from conventional understanding of «the love to the fatherland», when a person is ready to sacrifice himself rather than others. The specificity of the Kolyma patriotism was paid attention to by so-called «enemies of the people» who wrote memories about the hard labor camps: O. Adamova-Sliozberg, G. Demidov, J. Dombrowski, V. Ladeyshikov, V. Shalamov etc. Undoubtedly, the term «patriotism», which reflects the long-established meanings in the language and is usually well known by most of us, was fatally deformed and lost its elementary sense in the course of the 30–50s. of the XX century. The word «patriotism» conforming to the laws of nature acquired various opposite meanings. A striking example of fatal deformation was turning of the term «Kolyma patriotism» inside out.

Keywords: memories, Kolyma hard labor, patriotism, pseudo-patriotism, «enemies of the people».

REFERENCES

- 1 Adamova-Sliozberg O. L. *Put'* [The Path], predisl. N. Korzhavina; khudozh. D. S. Mukhin. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 1993. 254 p.
- 2 Vernon Kress (Demant Z.). *Zekameron XX veka* [Zekameron of the XX century]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1992. 428 p.
- 3 Viazemskii P. A. *Staraiia zapisnaia knizhka* [An old notebook], sost., st. i komment. L. Ia. Ginzburg. Moscow, ZAKhAROV Publ., 2000. 367 p.
- 4 Herling-Grudzinski G. *Inoi mir: sovetskie zapiski* [A world apart: Soviet notes], per. s pol'sk. N. Gorbanevskoi. St. Petersburg, Izd-vo «Evropeiskii Dom» Publ., 2011. 260 p.
- 5 Demidov G. G. *Chudnaia planeta* [A strange planet], sost., podgot. teksta, podgot. il. V. G. Demidovoi. Poslesl. M. Chudakovoi. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 2008. 360 p.
- 6 Demidov G. G. *Oranzhevyi abazhur* [An orange lamp shade], publ. V. Demidovoi. Predisl. M. Chudakovoi. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 2009. 376 p.
- 7 Demidov G. G. *Liubov' za koliuchei provolokoi* [Love behind barber wire], publ. V. Demidovoi. Predisl. M. Chudakovoi. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 2010. 360 p.
- 8 Diamant F. Vo l'dakh [In the ice]. *Na dal'nem Severe* [In the Far North], 1990, № 1, pp. 170–199.
- 9 Dombrovskii Iu. O. *Sobr. soch.: v 6 t.* [Collected works in 6 volumes], red.-sost. K. Turumova-Dombrovskaia. Khud. V. Vinogradov. Moscow, TERRA Publ., 1993. Vol. 5. 704 p.
- 10 Dombrovskii Iu. O. *Sobr. soch.: v 6 t.* [Collected works in 6 volumes], red.-sost. K. Turumova-Dombrovskaia. Khud. V. Vinogradov. Moscow, TERRA Publ., 1993. Vol. 6. 384 p.
- 11 Ladeishchikov V. A. *Osventsim bez pechei* [Osventsim without gas chambers], sost. S. S. Vilenskii. Moscow, Vozvrashchenie Publ., 1996, vol. 2, pp. 31–59.
- 12 Pomerants G. S. *Materialy konferentsii, posviashchennoi stoletiiu so dnia rozhdeniia Varlama Shalamova: sb. st.* [Papers of the conference commemorating the 100-anniversary of V. Shalamov's birth], sost. i red.: I. P. Sirotinskaia. Moscow, [B. i.], 2007. pp. 17–23.
- 13 *Poety «Satirikona»* [“Satiricon” poets], predisl. G. E. Ryklina; vstup. st., biogr. spravki, podg. teksta i prim. L. A. Evstigneevoi. Moscow, Leningrad, Sov. pisatel' Publ., 1966. 364 p.
- 14 Solzhenitsyn A. I. *Arkipelag GULAG: 1918–1956. Opyt khudozhestvennogo issledovaniia. Maloe sobr. soch.: v 7 t.* [The Gulag Archipelago: 1918–1956. An Experiment in Literary Investigation Compact collected works in 7 volumes] Moscow, INKOM – NB Publ., 1991. Vol. 6, issue III–IV. 576 p.
- 15 Chekhov A. P. *Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters in 30 vol.] Moscow, Nauka Publ., 1987. Vol. 14, pp. 5–38.
- 16 Shalamov V. T. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected works in 4 volumes], sost., podgot. teksta i primech. I. Sirotinskoi. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1998. Vol. 1. 620 p.
- 17 Shalamov V. T. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected works in 4 volumes], sost., podgot. teksta i primech. I. Sirotinskoi. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1998. Vol. 4. 494 p.
- 18 Shalamov V. T. *Tsena metafor, ili Prestuplenie i nakazanie Siniavskogo i Danielia* [The price of the metaphor, or The Crime and the Punishment of Sinyavskiy and Daniel], sost. E. M. Velikanova. Moscow, Kniga Publ., 1989, pp. 516–525.